

ОБРАЗ ПУТЕШЕСТВУЮЩЕГО ГЕРОЯ В РУССКОЙ И ТЮРКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСГРЕССИЯ В «ХОЖДЕНИИ ЗА ТРИ МОРЯ» И «БАБУР-НАМЕ»

Студентка факультета Филологии группы
РФ -24-2 негосударственного высшего
образовательного учреждения
Узбекистана ALFRAGANUS UNIVERSITY
Ирисметова Нурона Нуритдиновна
Научный руководитель: Преподаватель
университета кафедры русского языка
и литературы - Шукурова Л.Р.

Ключевые слова: путешествующий герой, культурная трансгрессия, «Хожение за три моря», «Бабур-наме», диалог цивилизаций, идентичность, межкультурное взаимодействие, раннее Новое время.

Аннотация. В статье рассматривается образ путешествующего героя в русской и тюркской литературе раннего Нового времени на материале произведений Афанасия Никитина «Хожение за три моря» и Захир ад-дина Мухаммада Бабура «Бабур-наме». Основное внимание уделяется анализу культурной трансгрессии как формы взаимодействия с «иным» культурным пространством. Показано, что у Никитина путешествие носит пороговый характер: оно является испытанием идентичности, веры и культурного самосознания. В «Бабур-наме» путь реализуется как органическая и созидательная трансгрессия, обеспечивающая интеграцию различных культурных кодов и расширение идентичности субъекта. Сравнительный анализ демонстрирует разные модели диалога цивилизаций, в которых герой через встречу с «Другим» познаёт и переосмысливает собственное культурное «я», формируя новое понимание многообразия и взаимопроницаемости культурной среды.

THE IMAGE OF THE TRAVELING HERO IN RUSSIAN AND TURKIC LITERATURE: CULTURAL TRANSGRESSION IN *KHODZHENIE ZA TRI MORYA* AND *BABUR-NAMA*

Keywords: traveling hero, cultural transgression, *Khodzhenie za tri morya*, *Babur-nama*, dialogue of civilizations, identity, intercultural interaction, Early Modern Period.

Abstract: This article examines the image of the traveling hero in Russian and Turkic literature of the Early Modern Period, based on Afanasy Nikitin's *Khodzhenie za tri morya* and Zahir ad-Din Muhammad Babur's *Babur-nama*. The study focuses on cultural transgression as a form of engagement with "other" cultural spaces. It is demonstrated that, in Nikitin's narrative, travel has a threshold character, representing a trial of identity, faith, and cultural self-awareness. In contrast, in *Babur-nama*, the journey manifests as an organic and creative transgression, facilitating the integration of diverse cultural codes and the expansion of the subject's identity. A comparative analysis highlights different models of civilizational dialogue, in which the hero, through encounters with the "Other," both explores and reinterprets his own cultural self, developing a nuanced understanding of the diversity and permeability of cultural environments.

Путешествие как литературный мотив традиционно служит не только средством повествования, но и формой исследования культурных границ. В русской и тюркской литературе раннего Нового времени образ путешествующего героя приобретает особое значение: он становится носителем культурного опыта, посредником между «своим» и «иным», инструментом самопознания и трансформации. Проблема исследования заключается в выяснении того, как путешествие функционирует как форма культурной трансгрессии: в каких случаях оно выступает испытанием идентичности, а в каких — инструментом созидательной интеграции культурных кодов.

Афанасий Никитин и «Хождение за три моря»

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина занимает особое место в истории русской литературы XV века, поскольку является не только памятником древнерусской словесности, но и уникальным свидетельством раннего межкультурного контакта Руси с мусульманским и индийским Востоком. В центре произведения находится образ путешествующего героя — купца, вынужденного покинуть привычное культурное пространство и на протяжении многих лет существовать в условиях иной цивилизационной реальности.

Путешествие как выход за пределы «своего» мира

В 1458 году Афанасий Никитин отправляется из Твери в Ширванскую землю, следуя обычаям купеческой практики. Однако нападение татар, утрата имущества, плен и разрыв с соотечественниками превращают торговое предприятие в экзистенциальное странствие.

Как отмечает Д. С. Лихачёв, «Никитин — первый русский писатель, который с беспримерной искренностью показал драму человека, оказавшегося вне родной культуры и вне привычной системы духовных координат»¹ [Д. С. Лихачёв, 1970, с.154].

Герой оказывается в пространстве, где разрушаются привычные социальные и религиозные опоры. Потеря церковных книг, невозможность соблюдать посты и праздники, незнание точного церковного календаря усиливают ощущение культурной и духовной дезориентации.

Культурная трансгрессия как испытание веры и идентичности

Особую значимость в тексте приобретает религиозный аспект путешествия. Афанасий Никитин живёт внутри иноверного мира, где мусульманские и индуистские практики доминируют. Эпизод в Джуннаре, когда хан предлагает ему богатство и возвращение жеребца в обмен на принятие ислама, становится

¹ Лихачёв Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачёв. — Л.: Наука, 1970. — 180 с. — С. 154–170.

кульминацией трансгрессии: «А хан мне молвил: если веру примешь — и жеребца дам, да тысячу золотых впридачу»²[Хождение за три моря, 1982, с.430].

Отказ от смены веры воспринимается героем как чудо и знак божественного заступничества, подчёркивая глубинную связь идентичности Никитина с православной традицией. А. Н. Робинсон справедливо отмечает: «Никитин не растворяется в чужой культуре, но вынужден постоянно балансировать на границе между адаптацией и духовным сопротивлением»³ [Робинсон А. Н., 1980, с. 214].

Таким образом, культурная трансгрессия у Никитина носит пороговый характер: он пересекает границу, но не может и не хочет окончательно её преодолеть.

Язык и описание «чужого» как форма культурного опыта

Этнографические и бытовые описания Индии отражают новый для древнерусской литературы тип познавательного интереса: облик людей, способы ведения войны, торговля и религиозные практики. М. М. Бахтин отмечал: «Хронотоп дороги открывает перед героем мир в его разнообразии и незавершённости»⁴ [Бахтин, 1975, с. 235]. Никитин воспринимает Индию как пространство непрерывного удивления, фиксируя как экзотику, так и практические знания. Вставки тюркских, персидских и арабских слов выступают языковыми маркерами чужого пространства. По словам Ю. М. Лотмана:

² Хождение за три моря // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. — М.: Художественная литература, 1982. — 624 с. — С. 430–432.

³ Робинсон А. Н. История русской литературы XI–XVII веков. — М.: Просвещение, 1983. — 320 с. — С. 225–232.

⁴ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975. — 504 с. — С. 234–238.

«Граница в тексте всегда семиотически активна: именно здесь возникает перевод, пояснение, комментарий»⁵ [Ю.М. Лотман, 1984, с. 131].

Язык Никитина постоянно «спотыкается» о чужое, фиксируя момент культурного перехода.

Путешествующий герой как носитель нового типа сознания

Возвращение на Русь не завершает духовный путь героя: опыт странствий остаётся необратимым. В. Я. Пропп отмечает: «Подлинное значение путешествия в древней словесности определяется не расстоянием, а тем внутренним изменением, которое оно производит в героя»⁶ [Пропп, 1970, с. 212]. Афанасий Никитин становится предтечей нового типа героя, для которого путь — форма самопознания через встречу с Другим.

Захир ад-дин Мухаммад Бабур и «Бабур-наме»

Бабур рождается и взрослеет в среде многоязычной и многокультурной элиты Средней Азии. Его путешествия — завоевания, походы и политические кампании в Фергане, Самарканде, Кабуле и Индии — сопровождаются эстетическим наблюдением, литературной и поэтической деятельностью, изучением природы, архитектуры и обычаев народов. Для Бабура чужое пространство не угрожает идентичности, а расширяет её и обогащает культурный опыт: «Очень хорошие оказались дыни. Я посадил в саду Хашт-Бихишт несколько кустов винограда. Они тоже дали хороший виноград»⁷ [Бабур, 1922, с. 211].

Язык Бабура органично многоязычен, сочетая тюркский, персидский и арабский элементы, отражая естественную интеграцию культурных кодов.

⁵ Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Л.: Искусство, 1984. — 272 с. — С. 131–138.

⁶ Пропп В. Я. Исторические корни сказки / В. Я. Пропп. — М.: Наука, 1970. — 336 с. — С. 210–215.

⁷ The Baburnama: Memoirs of Zahir-ud-Din Muhammad Babur / translated from the original Chagatai by Annette Susannah Beveridge; with introduction and notes. — London: Luzac & Co., 1922. — 2 vols. — Total 880 p. — Vol. 1, p. 211.

Победы, завоевания и административная деятельность показывают, что путешествие становится инструментом самопознания через власть и культурный синтез, а не только личного выживания.

Сравнительная характеристика представлена в таблице № 1.

Таблица №1

Параметр	Афанасий Никитин	Захириддин Мухаммад Бабур
Социальный статус	Купец, представитель среднего сословия	Принц, полководец, основатель империи
Цель путешествия	Торговля, выживание	Завоевание, управление, культурная интеграция
Тип культурной трансгрессии	Пороговая, болезненная, рефлексивная	Органическая, продуктивная, созидательная
Отношение к чужому	Испытание идентичности, тревога, духовная рефлексия	Расширение идентичности, эстетическое и политическое освоение
Язык	Русский с тюркскими, персидскими, арабскими вставками	Многоязычие (тюркский, персидский, арабский), естественная среда мышления
Роль путешествия	Испытание границ, сохранение культурной идентичности	Средство интеграции культур, самопознания и укрепления власти

Анализ показывает, что в «Хождении за три моря» путь реализуется как пороговая форма культурной трансгрессии, направленная на испытание и сохранение идентичности героя в контакте с иным культурным и религиозным пространством. В «Бабур-наме» путешествие выступает как органическая и созидательная трансгрессия, обеспечивающая интеграцию различных культурных кодов и расширение идентичности субъекта.

Оба произведения демонстрируют разные модели диалога цивилизаций, в которых путешествующий герой через встречу с «Другим» познаёт и переосмысливает собственное культурное «я», осознавая динамику, многообразие и взаимопроницаемость культурной среды. Таким образом, путь предстает не только как физическое перемещение, но и как ключевая форма культурного опыта, способствующая самопознанию и формированию цивилизационного сознания.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачёв Д. С. *Человек в литературе Древней Руси* / Д. С. Лихачёв. — Л.: Наука, 1970. — 180 с. — С. 154–170.
2. *Хождение за три моря* // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. — М.: Художественная литература, 1982. — 624 с. — С. 430–432.
3. Робинсон А. Н. *История русской литературы XI–XVII веков*. — М.: Просвещение, 1983. — 320 с. — С. 225–232.
4. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. — М.: Художественная литература, 1975. — 504 с. — С. 234–238.
5. Лотман Ю. М. *Семиосфера* / Ю. М. Лотман. — Л.: Искусство, 1984. — 272 с. — С. 131–138.
6. Пропп В. Я. *Исторические корни сказки* / В. Я. Пропп. — М.: Наука, 1970. — 336 с. — С. 210–215.
7. *The Baburnama: Memoirs of Zahir ud Din Muhammad Babur* / translated from the original Chagatai by Annette Susannah Beveridge; with introduction and notes. — London: Luzac & Co., 1922. — 2 vols. — Total 880 p. — Vol. 1, p. 211.